

Сочинения по произведениям Вергилий

Энеида

1. Эней
2. Сюжет «Энеиды»

Эней

ЭНЕЙ-герой эпоса П.Вергилия Марона «Энеида», опубликованного посмертно (19 г. до н.э.), сын Венеры и троянского героя Анхиза. По преданию, спасшемся с немногими товарищами после гибели Трои Э. суждено стать родоначальником народа, которому будет обязан своим происхождением Рим; для этого ему, го-’ нимому Юноной, необходимо было приплыть в Италию и выдержать многочисленные сражения с местными племенами. Первая часть, посвященная его странствиям, испытывает сильное влияние «Одиссеи», вторая — сражения вокруг Рима — «Илиады». Застигнутого бурей Э. судьба приводит в Карфаген, где он рассказывает царице Дидоне о постигших его несчастьях. Слова, которыми он начал свою речь: «Ты, царица, велишь обновить несказанное горе», стали одним из самых знаменитых латинских афоризмов; их повторяет у Данте граф Уголино. Вторая песня — описание последней ночи Трои — благодаря высокому трагическому пафосу и яркости деталей принадлежит к наиболее знаменитым частям эпоса; ее переводили Шиллер, Жуковский. Венера, желая оказать помощь Э., заставляет карфагенскую царицу полюбить его всем сердцем; Э. готов уже отдаться страсти и забыть о своем долге, но Юпитер через Меркурия напоминает о нем: Э. покидает любимую, которая с горя бросается на меч и, умирая, предсказывает непримиримую вражду между Римом и Карфагеном. Э. на обратном пути видит пылающий над городом ее погребальный костер. Прибыв в Италию, он спускается в подземное царство, как Одиссей у Гомера, и получает у Анхиза пророчество о будущем величии Рима. Он хочет поговорить с Дидоной, но она в негодовании бежит от него. Прибыв в Лаций, Э. заключает союз с царем Латинном и добивается от него согласия на брак с его дочерью Лавинией. Однако Юнона, пользуясь тем, что Лавиния обручена с доблестным Тур-ном, царем ругулов, восстанавливает против него местные племена и кладет начало войне. Э., опираясь на доблесть троянцев и на своих новоприобретенных

этрусских и аркадских союзников, одерживает победу над своими будущими верными друзьями и убивает Турна в единоборстве (он был уже готов пощадить его, но, как Ахилл не мог простить Гектору смерти Патрокла, так и Э. отвергает мольбы Турна, увидев на нем доспех аркадского царевича Палланта). Этим эпизодом завершается эпос. Бремя оказывается почти непосильным для героя: несмотря на то что все должное исполнено, он советует сыну Иулу брать пример с отца в доблести, но не в счастье. Образ Э. у Вергилия обладает поистине трагическим звучанием. Сам поэт постоянно подчеркивает его благочестие и вопреки мифологии делает его едва ли не первым из троянских героев, равным божественному Гектору (чего, естественно, нет у Гомера). Однако брошенная возлюбленная делает положение Э. слишком уязвимым: если Данте понимал его именно так, как хотел Вергилий, лишь более широко — в католическом духе — толкуя миссию основателя Рима, то Ж.-Ф.Лагарп, один из ведущих критиков французского классицизма, высоко ценя эпос Вергилия, все же пишет: «Безусловно, благочестивый Э. не заслуживает ни малейшего обвинения; он безупречен на всем протяжении поэмы, но, ни разу не будучи одушевлен страстью, он не пылает душой, и холодность его характера распространяется на все произведение».

А.А.Ахматова, например, любила говорить: «Ромео не было, Эней, конечно, был», подчеркивая этим, что верные возлюбленные — большая редкость, но зато часто встречаются предатели в любви. (Интересна апология П.А.Катенина.) Влияние образа Э. на позднейшую литературу далеко уступает влиянию самого эпоса, а последнее сказывалось только в кругах, получивших классическое образование и ценящих латинскую культуру (таковые характерны прежде всего для Франции и Италии). В России это влияние чувствуется у поэтов XVIII — начала XIX в. (так, Херасков в «Россиаде» и Катенин в «Андромахе» цитируют близко к тексту знаменитый сон Э., в котором Гектор говорит ему о неизбежности падения Трои и необходимости бегства). Позднее под влиянием германской традиции установилось неприязненное отношение к латинской культуре (одним из наиболее решительных проводников которого был Белинский), и эпос Вергилия стали считать совершенно искусственным, безжизненным произведением, а образу Э. отказывали в цельности. В середине века под эту неприязненную оценку был подведен научный фундамент, объяснявший все эти недостатки ложной концепцией эпоса у Вергилия (такое мнение распространилось и на знаменитых итальянских поэтов — Тассо и Ариосто). Эти концепции были отброшены в эпоху символизма (Брюсов, переводчик Вергилия, написал несколько оригинальных стихотворений, посвященных Э., причем понимал его образ так, как того хотел римский поэт). В позднейшие времена (вплоть до наших дней) чтение Вергилия стало уделом очень немногочисленного круга людей. Лит.: La Hatre J.-F. Бусбе ou Cours de la litterature ancienne et moderne. Paris, 1819; Катенин П.А. Размышления и разборы. Статья III // Катенин П.А. Размышления и разборы. М., 1981; Hacker Th. Vergil, Valter des Abendlands. Leipzig, 1931; Biichner K.P. Vergilius Maro. Der Dichter der Romer. Stuttgart, 1957; Ошеров С.А. История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // Античность и современность. М., 1972; Гаспаров М.Л. Вергилий — поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. 2) Герой поэмы-трагедии П.Скаррона «Перелицованный Вергилий» (1648-1652). Создав пародийный образ Э. и других

персонажей Вергилия, Скаррон почти исчерпал жанр бурлескной поэмы. Это объясняется блистательным актерством и неистощимым остроумием французского поэта, который отнюдь не был новатором: его непосредственным предшественником является Джован-Батиста Лалли, написавший «Энеиду наизнанку» в 1633 году, а само слово «бурлеск» происходит от итальянского «бурла» (злая шутка). Скаррон использовал два комических приема: анахронизм и снижение. Полностью сохраненная сюжетная линия Вергилия расцвечена деталями совершенно иной эпохи: Анхиз носит очки, Э. в результате брака с Лавинией получает пятнадцать тысяч ливров ренты, Дидона в ярости обзывает сбежавшего возлюбленного «швейцарцем» и т.д.

Характер Э. также не претерпел особых изменений, но Скаррон довел до абсурда такие его черты, как покорность року, тщеславие, слезливость и вера во всевозможные приметы. Идеальный герой превращается в посмешище: внешне представительный и хорошо воспитанный, Э. чинно исполняет самые нелепые обряды, совершает массу глупостей, всячески увиливает от реальной опасности, ревет белугой по любому поводу и вечно попадает впросак. Подобное отношение к классическому наследию получило неоднозначную оценку у современников — от резкого неприятия до восторженных похвал. У Скаррона возникли впоследствии свои подражатели. Мода на травести не обошла славянские страны: в XVIII веке О.Котельницкий пишет «Энеиду», «вывороченную наизнанку», а в начале XIX века появляется прославленная «Энеида» украинского поэта И.Котляревского. Лит.: Junker H.P. Paul Scarron's Virgile travesti. Oppeln, 1883.

Сюжет «Энеиды»

Основная концепция «Энеиды» заключена во вступительных стихах. «Я пою брань и мужа, который... был много кидаем по землям и по морю... и многое претерпел на войне»; из этой формулировки античный читатель уже видел намерение автора объединить тематику обеих гомеровских поэм. Эней «беглец по воле рока»; ссылка на «рок» служит не только оправданием для бегства Энея из Трои, но и указывает на движущую силу поэмы, на силу, которая приведет к тому, что Эней основал Город и в Лаций богов перенес, род откуда латинов и Альбы-Лонги отцы и твердыни возвышенной

Ромы.

В отличие от гомеровского эпоса, полностью уходящего в прошлое, у Вергилия миф всегда переплетен с современностью, и испытания Энея являются лишь многозначительным началом уготованного роком римского величия.

Злоключения Одиссея были вызваны гневом Посидона; странствия Энея обусловлены «злопамятным гневом лютой Юноны». Вражда Юноны (у греков Геры) к троянцам – гомеровская традиция, осложненная римской политической мотивировкой: Юнона – покровительница Карфагена, векового врага римлян. Композиционным образцом для первой половины «Энеиды» послужила та же «Одиссея». Повествование начинается с последних скитаний Энея, и предшествующие события даны как рассказ героя о его приключениях.

Когда Эней со своей флотилией уже приближается к Италии, конечной цели плавания, разгневанная Юнона посылает страшную бурю. Корабли разбросаны по морю, и истомленные троянцы причаливают к неизвестным берегам. В грустном бессилии, но с верой в будущее и готовностью претерпеть любые удары судьбы предстает перед читателем герой поэмы. И тут же повествование прерывается сценой на Олимпе: Юпитер открывает Венере грядущие судьбы Энея и его потомков, вплоть до времени Августа, и предсказывает мощь и величие римской державы. В дальнейшем ведении рассказа олимпийский план продолжает чередоваться с земным, и человеческие побуждения дублируются божественными внушениями. Упорной вражде Юноны противостоит любящая заботливость Венеры, матери героя. Счастье начинает улыбаться Энею и его спутникам. Они находятся в Ливии, неподалеку от строящегося Карфагена. Этот мощный город основан энергичной женщиной, царицей Дидоной, бежавшей из Тира после того, как ее любимый муж Сихей был вероломно убит ее же братом Пигмалионом. Она горячо сочувствует несчастьям Трои, молва о которых успела уже облететь весь мир. Воздвигнутый Дидоной храм Юноны разукрашен изображениями ярких и трогательных сцен из истории Троянской войны. Дидона гостеприимно принимает троянцев.

Этой экспозицией любви Дидоны к Энею заканчивается первая книга. По общему построению она воспроизводит схему 5 – 8 книг «Одиссеи»: плавание Одиссея, буря, поднятая Посидоном, и прибытие в страну феаков, радушный прием у царя Алкиноя, в стране которого уже поют о Троянской войне, и просьба рассказать о приключениях. Напоминают Гомера и многие детали повествования, опущенные в нашем изложении, причем Вергилий пользуется материалом из самых различных частей обеих поэм;

заимствуются сцены, мотивы, отдельные выражения.

Но Вергилий обрабатывает гомеровский материал тем же методом, который он применял в «Буколиках» по отношению к Феокриту. Из «заимствований» создается новое целое, с усиленным выдвиганием чуждых гомеровскому эпосу моментов лиризма и субъективной мотивированности действия. Такое соотношение между материалами древнегреческого эпоса и его переработкой у Вергилия характерно для всех частей «Энеиды», и в дальнейшем пересказе ее содержания мы уже не будем на этом останавливаться. Рассказ Энея занимает вторую и третью книги.

Вторая книга посвящена падению Трои. Тема эта («разрушение Илиона») не раз уже трактовалась в греческой поэзии, но Вергилию надлежало осветить традиционное сказание с точки зрения троянца и рассказать о событиях как о переживаниях одного лица – Энея, которому предание не приписывало к тому же видного участия в событиях. Рассказ должен потрясти страшными и трогательными сценами «страданий Трои», снять с греков их ореол победителей и оправдать личное поведение героя поэмы. Книга начинается с повествования о «деревянном коне»: троянцы не побеждены в открытом бою, они гнусно обмануты. В действиях и речах грека Синона, оставленного при коне, воплощено искусство утонченной лжи, коварства и клятвопреступления. К неслыханному вероломству людей присоединяется жестокосердие богов: жрец Лаокоонт призывал было «опасаться данайцев даже тогда, когда они приносят дары», но и сам Лаокоонт и его два сына были раздавлены огромными морскими змеями, посланными Афиной. После этой божьей кары у троянцев не может оставаться сомнений: с праздничным ликованием вводят они в город рокового коня, а ночью греки уже вступают в Трою. Эпизод ночного боя окутан атмосферой трагического пафоса. Эней собирает вокруг себя маленький отряд.

Но отряд уничтожен; вот уже погиб престарелый царь Приам в бессильной борьбе со свирепым сыном Ахилла. Повторные указания богов принуждают, наконец, Энея покинуть гибнущий город. Он выносит на плечах своего отца Анхиса, который держит пенатов (домашних богов) Трои; к Энею присоединяются многочисленные спутники.

Третья книга – скитания Энея. Традиция давала здесь несвязный ряд преданий о стоянках Энея и основанных им городах и святилищах. Вергилий сократил этот материал и постарался украсить его живописными описаниями и трогательными эпизодами, все время напоминающими о несчастьях Трои. Плавание Энея мыслилось одновременным со странствиями Одиссея и частично было приурочено к тем же местностям, но Вергилий, проводя троянцев мимо Скиллы и Харибды или острова

киклопов, не дублирует гомеровских приключений. Момент единства вносится в скитания тем, что на каждой значительной остановке какой-либо вещей сон или оракул сообщает герою нечто новое о конечной цели пути. В этом отношении третья книга не согласована с другими частями «Энеиды», где Эней уже с самого начала направляется в Италию.

Для идеологической концепции характерно, что Италия оказывается не чужбиной, а «древней матерью», прародиной троянцев, в которую они теперь возвращаются. Эней доводит свой рассказ до прибытия в Сицилию, где умер старый Анхис. Направляясь из Сицилии в Италию, герой был застигнут той бурей, с которой началось повествование поэмы.

Четвертая книга, наряду со второй, принадлежат к наиболее сильным и патетическим частям «Энеиды». Это – повесть о любви Дидоны к Энею. Гомеровский эпос намечал любовную тему, но не разрабатывал ее. Вводя патетику любовной страсти в большой героический эпос, Вергилий следует за поэмой Аполлония Родосского; при этом он переносит чувство в более возвышенную сферу, углубляет анализ и создает трагедию в форме законченного эпиллия.

Пятая книга возвращает нас к «соревнованию» с Гомером: Эней, снова высадившийся в Сицилии, устраивает игры по случаю годовщины смерти Анхиса. Эта параллель к 23-й книге «Илиады», играм при погребении Патрокла, была вполне актуальна в Риме времен Августа. Император насаждал состязания знатной молодежи, считая их «старинным похвальным обычаем», и Вергилий выводит прародителей известнейших римских родов в качестве участников состязаний, назначенных Энеем.

Очень интересна шестая книга. Проплывая вдоль берега Италии, Эней делает остановку у города Кум. Здесь находился знаменитый оракул Аполлона, а неподалеку античное верование помещало вход в преисподнюю. Пророчица Сивилла дает предсказание о борьбе, которая ожидает Энея в Лациуме, а затем сопровождает его в царство мертвых для свидания с отцом Анхисом. Создавая параллель к 11-й книге «Одиссеи» (посещению царства мертвых), «ученый» поэт объединяет образы древней мифологии с более поздними религиозными и философскими учениями. «Нисхождение» Энея в преисподнюю входит как звено в обширный ряд апокалипсисов («откровений») о «тайнах» загробного мира и послужило одним из литературных источников для знаменитой поэмы Данте. В изображении Вергилия сливаются три круга представлений – о тенях гомеровского царства мертвых, затем о загробном суде с вечными муками Тартара («ада») для преступников и с вечным блаженством Элисия

{«рая»), и наконец – об «очищении» душ после смерти для их нового «воплощения». Это дает возможность развернуть большое многообразие сцен, окрашенных в самые различные лирические тона и насыщенных актуальным идеологическим содержанием. Книга завершается обширным «смотром душ»: Анхис показывает Энею будущих деятелей Рима, носителей той военной и гражданской славы, в которой римляне усматривали свое превосходство над интеллектуально и художественно более высокой культурой Греции.

В заключение Анхис выпускает Энея и Сивиллу через ворота «лживых грез»; царство сказки кончено. Значение шестой книги в общей композиции «Энеиды» состоит, по-видимому, в том, что герой, приобщенный к тайнам мироздания и «воспламененный любовью к славе грядущего», получил необходимое «посвящение» и может уже приступить к осуществлению своей миссии.

За «странствиями» наступают войны. Им посвящена вторая половина поэмы (книги седьмая – двенадцатая), составленная на материале италийских преданий и сведений об италийской древности и предназначенная быть римской параллелью к «Илиаде». Эней становится своего рода Ахиллом.